

УДК 81'373.46

ТЕРМИНЫ ГРУППЫ «СОУЧАСТИЕ» В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА (ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА)

© 2009 г.

А.Е. Босов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

artyom_bossov@yahoo.com

Поступила в редакцию 19.12.2008

Описывается принципиально новый подход к анализу так называемого юридического языка. Исследуются термины и понятия уголовно-правового института соучастия в преступлении («организатор», «исполнитель», «подстрекатель», «пособник», а также терминологические единицы, номинирующие формы организованной преступности). В основу решения проблем, имеющих в первом приближении чисто терминологический характер, положены принципы дискурсивного анализа – такой методологический выбор позволил продемонстрировать несостоятельность традиционных для лингвистики и юриспруденции методов терминоведения и юридической техники.

Ключевые слова: дискурс, логический анализ языка, метаязык, термины уголовного права, юридическая техника.

Лингвистическое исследование текстов юриспруденции в настоящее время получило довольно широкое распространение. Анализ научной литературы указанной тематики показал, что такие исследования имеют, главным образом, общетеоретический [1], терминологический [2], семантико-стилистический и риторический [3] и юрлингвистический [4] характер.

Работы второй группы, связанные с правоведением, крайне дидактичны и в функциональном плане напоминают, скорее, справочные издания, они выполнены преимущественно в рамках стилистики и культуры речи [5]. Встречаются также и работы юридико-технического характера, посвящённые правотворческой деятельности и толкованию юридических документов [6].

Другими словами, существующие исследования языка юриспруденции нередко носят односторонний характер, поскольку опираются при анализе преимущественно на методологию либо языкознания, либо юриспруденции. В настоящей статье сделана попытка объединить два методологических подхода на основе разработанного постструктуралистами разноуровневого логического анализа языка и положений теории Мишеля Фуко о дискурсивном анализе¹.

Объектом анализа в настоящей статье стали термины и понятия уголовно-правового института соучастия в преступлении.

Отметим, что разработка проблем соучастия является традиционной для российской и зару-

бежной криминологии (в рамках истории отечественного права о начале изучения вопросов соучастия в преступлении можно говорить со времени создания «Русской правды»), однако такое положение вещей не делает проще коммуникацию с помощью современных терминов группы «соучастие».

Соучастию в преступлении посвящена глава 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК) [7]². Рассмотрим основные термины и понятия.

Статья 33. Виды соучастников преступления. 1. Соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник. 2. Исполнителем признаётся лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом. 3. Организатором признаётся лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. 4. Подстрекателем признаётся лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путём уговора, подкупа, угрозы или другим спо-

собом. 5. *Пособником признаётся лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.*

Исконно русская лексема «соучастник» в отрыве от контекста приведённой нормы УК не нуждается в толковании, поскольку её семантика полностью выводится из морфемной структуры. В настоящее время эта лексема полностью терминологизирована и фразеологизована: так, любое другое распространение слова «соучастник», кроме словосочетания «соучастник преступления (соучастник + вид преступления в родительном падеже)», эмоционально маркировано и стилистически ориентировано. Подобные примеры можно найти в современных публицистических текстах: *соучастник мероприятия, соучастник представления, соучастник действия* (дополнительные ироническая и негативная коннотации в подобных словосочетаниях появляются даже у слов, принадлежащих к высокой лексике).

Термин *соучастник*, исходя из текста закона, не поддаётся расширительному толкованию, понятие «соучастник» включает такие понятия, как «исполнитель», «организатор», «подстрекатель» и «пособник». Названные термины общенародного языка с очевидной словообразовательной структурой хотя и не нуждаются в пояснении, однако с точки зрения уголовного права требуют обстоятельной дефиниции.

При анализе законодательно закреплённых определений названных терминов нетрудно убедиться в том, что их семантика специализирована и отличается от общеязыковой. Так, под *исполнителем* в общеязыковом плане понимается лицо, непосредственно участвовавшее в реализации чего-либо, в осуществлении какого-либо вида физической и (или) ментальной деятельности, результат которой овеществлён (*исполнитель официального письма, исполнитель монтажных работ, исполнитель музыкального произведения*). Законодатель расширяет семантику общеупотребительной лексемы, заявляя, что исполнителем признаётся также и лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК.

Интересно, что понятие «исполнитель (преступления)» в Уголовном кодексе РСФСР было более узким по содержанию. Так, часть 3 статьи 17 названного Кодекса называла исполнителем только лицо, непосредственно совершившее преступление [8, с. 46–53].

Соучастие в преступлении в форме его *организации*, как оно трактуется УК, также требует лингвистического анализа. Под организацией в УК подразумевается как собственно организация, так и руководство исполнением преступления, а также создание либо руководство организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Вопрос здесь вызывает соотношение объёмов понятий «организация» и «руководство». Очевидно (и это показывает судебная практика), что процессы организации и руководства преступлениями на практике могут частью и совмещаться, и дополнять друг друга. Поскольку на правовую квалификацию содеянного не влияет вид действий организатора (как организация, так и руководство признаются в равной степени наказуемыми), то в тексте закона названные понятия являются пересекающимися своими объёмами, и часть признаков одной совокупности действий является признаками другой.

Понятия *подстрекатель* и *пособник*, как они трактуются уголовным законом, не выходят за рамки общеязыковой семантики данных лексем – законодатель лишь даёт исчерпывающий перечень форм, в которых могут реализоваться названные виды соучастия в преступлении.

Наиболее интересными в уголовно-правовом учении о соучастии представляются понятия *группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация), банда*.

Отличие преступления, совершённого группой лиц, от преступления, совершённого группой лиц по предварительному сговору, ясно из названия самих терминов и подтверждается текстом частей 1 и 2 статьи 35 УК.

Судебная практика показывает, что понятия *банда, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)* нуждаются не только в уголовно-правовом, но и в лингвистическом комментировании.

Согласно части 3 статьи 35 УК, *организованной группой* признаётся *устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений*.

Часть 4 статьи 35 УК гласит, что *преступное сообщество* (преступная организация) – это *сплочённая организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или*

особо тяжких преступлений³, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях. Часть 1 статьи 210 УК дополнительно уточняет понятие «преступное сообщество»: организация преступным сообществом предполагает руководство таким сообществом или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединённых организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

Бандой, в соответствии с частью 1 статьи 209 УК, законодатель признаёт устойчивую вооружённую группу, действующую с целью нападения на граждан и организации.

В постановлении Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» разъяснён смысл понятия «банда»:

2. Под бандой следует понимать организованную устойчивую вооружённую группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения.

3. От иных организованных групп банда отличается своей вооружённостью и своими преступными целями – совершение нападений на граждан и организации.

4. Об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность её состава, тесная взаимосвязь между её членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность её существования и количество совершенных преступлений.

5. Обязательным признаком банды, предусмотренным ст. 209 УК РФ, является её вооружённость, предполагающая наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия.

Использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооружённости.

При решении вопроса о признании оружием предметов, используемых членами банды при нападении, следует руководствоваться положениями Закона Российской Федерации «Об оружии», а в необходимых случаях и заключением экспертов.

Банда признаётся вооружённой при наличии оружия хотя бы у одного из её членов и осведомленности об этом других членов банды [9].

Анализ приведённых норм законодательства позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, термин *преступное сообщество* функционирует как абсолютный синоним термина «преступная организация». Законодательное введение в юридический дискурс термина «преступная организация» представляется немотивированным с точки зрения лингвистической прагматики: а) УК предусматривает синоним лишь для номинирования одного вида соучастия, б) отлагольное существительное «организация», являющееся в терминологическом сочетании главным компонентом, провоцирует автора юридического документа на тавтологию (см. название статьи 210 УК: «Организация преступного сообщества (*преступной организации*)» или часть 4 статьи 35 УК), следовательно, не разнообразит лексическую организацию документа, а затрудняет как его создание, так и перцепцию.

Во-вторых, преступное сообщество характеризуется сплочённостью. Этот признак преступного сообщества, если исходить лишь из норм УК, не раскрывается законодателем в полной мере, таким образом, сплочённость адресатом УК может восприниматься не иначе как с учётом общеязыкового (а не специального) значения данного слова. Общеязыковая семантика лексемы, следует отметить, положительно коннотирована: слово «сплочённость» в современном русском языке можно поместить в одну лексико-семантическую группу с таким, например, словами, как «дружба», «братство», «товарищество», «партнёрство». Нормативное дефинирование термина «сплочённость» не является надуманным. Как видно из текста УК, преступное сообщество – это разновидность организованной группы (понятие «организованная группа» является родовым по отношению к «преступному сообществу», видовым отличием как раз и считается сплочённость организованной группы; «сплочённая» в дефиниции остаётся словом-фантомом, дискурсивно десемантизованным: его лексическое значение уже не коррелирует с общеязыковым, однако оно ещё и не специализировано). Терминологическое значение лексемы не раскрывается в законе, его можно только вывести логическим путём из приведённой выдержки из постановления Пленума ВС РФ.

Правильность выводов, к которым мы пришли в ходе лингвистического анализа УК подтверждается законотворческой практикой.

Мы выяснили, что квалификация того или иного противоправного деяния как совершённого преступным сообществом, всегда будет заключать в себе мотивировку, основанную на общезыковой компетенции правоприменителя. Вероятность этого была возможна с момента введения в действие УК (13 июня 1996 года). Однако 10 июня 2008 года, то есть почти двенадцать лет спустя, Пленум ВС РФ принимает постановление «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)», в котором разъясняет понятия «преступное сообщество» (пункт 2) и «сплочённость» (пункт 3):

Под преступным сообществом (преступной организацией) следует понимать структурно оформленную преступную группу, которая, помимо присущих организованной группе признаков (часть 3 статьи 35 УК РФ), характеризуется сплоченностью и создана для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, созданное в тех же целях [10].

Очевидно, что в новейшей трактовке одного из базовых уголовно-правовых понятий нет принципиальной новизны. Так, введённый обязательный признак *структурной оформленности*, как было показано, выводится из родового понятия «организованная группа» и, следовательно, является тавтологичным по своей природе. Основное отличие, таким образом, преступного сообщества от организованной группы вновь оказывается связанным с признаком *сплочённости*, под которым Пленум ВС РФ понимает наличие у руководителей (организаторов) и участников этого сообщества (организации) единого умысла на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также осознания ими общих целей функционирования такого преступного сообщества и своей принадлежности к нему. Для данной формы организованной преступности характерно сочетание в различной совокупности таких признаков, как наличие организационно-управленческих структур, общей материально-финансовой базы, образованной в том числе из взносов от преступной и иной деятельности, иерархии, дисциплины, установленных ими правил взаимоотношения и поведения участников преступного сообщества и т.д.

Сплочённость может также характеризоваться особой структурой сообщества (например, руководитель, совет руководителей, исполнители отдельных заданий), наличием руководящего состава, распределением функ-

ций между его участниками. О сплочённости сообщества свидетельствует планирование преступной деятельности на длительный период, подкуп и другие коррупционные действия, направленные на нейтрализацию представителей правоохранительных и иных государственных органов [там же].

Однако и в приведённой цитате не находим чёткого толкования понятия «сплочённость» – тем не менее следует всё же признать наличие специальных сем этого слова, хотя Пленум ВС РФ использует языковые средства, частично снижающие степень облигаторности названного признака: «сочетание в различной совокупности», «и т.д.», «может также характеризоваться», «другие коррупционные действия» – словосочетания, на первый взгляд, нечётко ограничивающие объём понятия. В целом понятие сплочённости раскрыто полно, а отсутствие абсолютной границы объёма понятия оправданно. С одной стороны, такое положение вещей можно обозначить как пробел в законе, лазейку, которой непременно воспользуется недобросовестный правоприменитель. С другой стороны, любой закон не может предусмотреть всё многообразие казусов, а организованная преступность идёт нередко впереди технического прогресса, обретая самые изощрённые и завуалированные формы. В этом смысле отказ законодателя от исчерпывающего толкования уголовно-правового понятия, могущего привести к непониманию нормы адресатом-простецом, обусловлен общими тенденциями юридического дискурса.

В-третьих, такой признак, как устойчивость банды, разъясняется в упомянутом постановлении Пленума ВС РФ и является, по нашему мнению, законодательно раскрытым и логически непротиворечивым, тогда как тот же самый признак, заявленный в качестве облигаторного для организованной группы, остаётся без расшифровки. В отношении организованной группы мы можем говорить лишь о двух разъяснённых признаках: объединение лиц должно состояться заранее⁴ и целью этого объединения должно являться совершение хотя бы одного преступления.

В-четвёртых, на первый взгляд кажется тавтологичным и протокольным предложение *преступное сообщество – объединение организованных групп*. Действительно, сема единства составных компонентов преступного сообщества (будь то люди или организации любого вида) содержится в слове «сообщество» (префикс со по аналогии со словами «соавторство», «содружество», «сопричастность» и подобными обо-

значает некий единый механизм, сплочённость, целостность частей той или иной системы, обозначенной в корне слова). «Объединение организованных групп» обозначает по сути дела организацию, созданную из объединённых групп, поскольку объединение всегда предполагает структуру, а следовательно и иерархию, и принципы построения этой иерархии, объединение же предусматривает наличие принципов, по которым могут быть соединены те или иные феномены. Однако, исходя из сказанного, нелогично было бы делать вывод об общей тавтологичности дефиниции, поскольку те её компоненты, которые в семантическом плане являются повторяющимися, накладывающимися, находятся в разных частях определения и поэтому должны восприниматься порознь, несмотря на общую целостность левой и правой частей дефиниции.

Очевидно, чтобы снять потенциально возможную избыточность разобранного определения, уместнее было бы использовать другие лексические и (или) грамматические средства для обозначения видового отличия преступного сообщества от других форм организованной преступности (*несколько организованных групп, совокупность организованных групп, организованные группы, совместные действия которых направлены на...*).

Итак, *квазитавтология* имеет едва ли не такое же негативное влияние на коммуникативный успех того или иного предложения, как и очевидная речевая избыточность. Квазитавтология имеет довольно сложную дискурсивную природу, поэтому её едва ли можно признать интенцией, скорее всего, она, подобно прочим механизмам идеологизации, прескриптивна, если выражаться термином философии языка, и бессознательна, если обозначить её термином психологии.

В-пятых, избыточной является и трактовка понятия «банда» в постановлении Пленума ВС РФ. Если часть 1 статьи 35 УК прямо описывает группу лиц как двух или более исполнителей, то формулировка Пленума ВС РФ в пункте 2 упомянутого постановления «группа из двух и более лиц» представляется избыточной как с общезыковой (группу каких-либо показателей или признаков составляет число, превышающее единицу), так и с уголовно-правовой точек зрения.

В-шестых, вооружённость – и это следует из словообразовательной структуры слова – предполагает наличие оружия. Законодательством РФ лексема «оружие» терминологизируется, специальную семантику приобретает и слово «вооружённость». Так, признаком вооружённо-

сти, исходя из положений пункта 5 обозначенного постановления Пленума ВС РФ, обладает лишь та организованная устойчивая группа лиц, которая использует пригодное к целевому применению оружие или его макеты, при этом признак вооружённости считается актуальным даже при наличии оружия хотя бы у одного из членов названной группы и осведомлённости об этом других лиц, входящих в организованную устойчивую группу. Дефиниция «вооружённости» представляется непротиворечивой.

Алогичным же следует признать последний абзац пункта 5 исследуемого постановления Пленума ВС РФ:

Банда признаётся вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из её членов и осведомленности об этом других членов банды [9].

В первом абзаце пункта 5 Пленум ВС РФ называл вооружённость *обязательным признаком банды*. Исходя из содержания последнего абзаца, приведённого чуть выше, следует, что банда может признаваться и невооружённой. Произошла замена определяющим понятием («организованная устойчивая вооружённая группа... лиц») определяемого («банда»). Такой алогизм отсутствует, скажем, в широко распространённом сочетании «вооружённые бандформирования», поскольку банда в данном случае не атрибутируется автором речи как термин и между коммуникантами нет соответствующей конвенции общения. Следовательно, в подобных случаях не будет нарушен и принцип кооперации.

Наконец, обратим внимание на то обстоятельство, что, толкуя термин «банда», Пленум ВС РФ приводит видовые отличия этой особой формы группы лиц и выражает их тремя неоднородными согласованными определениями (*организованная устойчивая вооружённая*). Мы выяснили, однако, что признаки организованности и устойчивости являются облигаторными для банды, и, несмотря на то что все они характеризуют группу лиц с разных сторон (нужно при этом сделать допущение, что лексемы «организованная» и «устойчивая» находятся в отношениях если не контрастной, то пересекающейся дистрибуции), оказываются контекстуально объединены причинной связью (*организованная ↔ устойчивая*). Следовательно, приведённые согласованные определения (оба относящиеся к разряду качественных прилагательных) вполне можно квалифицировать как однородные.

Избыточность, имеющая самое разное дискурсивное выражение, и квазитавтология могут быть объяснены в приведённых случаях лишь с

точки зрения лингвистической прагматики. Вопреки пропозициональной установке автора, абсолютно уверенного в своих словах и имеющего намерение убедить адресата в истинности и полноте сообщаемой информации, такие тексты неминуемо вызывают недоверие реципиента, а в худшем случае, когда объём знаков – носителей информации превышает количество информации, – коммуникативную неудачу.

Примечания

1. Методологическую основу настоящего исследования, в частности, составили работы «Преодоление метафизики логическим анализом языка» Р. Карнапа, «Предположения и опровержения: рост научного познания» К.Р. Поппера, «Искусство мыслить» Б. Рассела, а также «Порядок дискурса», «Археология знания» и «Рождение клиники: археология врачебного взгляда» М. Фуко.

2. Здесь и далее все ссылки на текст УК приведены в соответствии с обозначенным официальным изданием закона.

3. Тяжкими преступлениями, в соответствии с частью 4 статьи 15 УК, признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает десяти лет лишения свободы. Согласно части 5 статьи 15 УК, особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых УК предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

4. Законодатель имеет в виду под этим словом то, что объединиться для совершения преступления лица должны не в момент возникновения умысла на совершение того или иного противоправного действия, запрещённого УК под страхом наказания, а существенно раньше.

Список литературы

1. Голев Н.Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и её юриди-

ческого функционирования // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Алт. ун-т, 2004. С. 39–57.

2. Морщакова Т.В. Семантические характеристики терминов уголовного закона (на материале русского, немецкого и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1992. 19 с.

3. Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2005. 21 с.

4. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медя, 2004. 328 с.

5. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М.: Норма, 2008. 448 с.

6. Бокова И.Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (Теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ): Дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2002. 22 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 года № 25. Ст. 2954.

8. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. Г.З. Анашкин, И.И. Карпец, Б.С. Никифоров. М.: Юридическая литература, 1971. 560 с.

9. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандализм» от 17 января 1997 года № 1 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 2.

10. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» от 10 июня 2008 года № 8 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2008. № 8. С. 8.

MODERN RUSSIAN CRIMINAL LAW TERMS DESCRIBING THE CONCEPT «COMPLICITY» (A DISCOURSE ANALYSIS)

A.E. Bosov

A fundamentally new approach to the analysis of the so-called legal language is described. Some terms and notions of the criminal justice institute of «complicity» are studied («organizer of a crime», «perpetrator of a crime», «instigator», «helper») along with the terms nominating various forms of organized crime. For solving the problems that at first glance seem to be purely of a terminological nature, we had to resort to the methods of discourse analysis. The chosen methodological approach and research results demonstrate a failure of the conventional methods of terminology and jurisprudence.

Keywords: discourse, logical analysis of the language, Russian criminal law terms, legal procedures.